

КЛАДБИЩЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КАЛЕНДАРНОГО ПРАЗДНИКА¹

ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА ЧЕСНОКОВА

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** В статье рассматриваются приуроченные к календарным праздникам поминальные обычаи, сопряженные с пространством кладбища. Проводится обзор их современных форм, которые включают как традиционные элементы, так и новации, обусловленные изменениями в сфере культуры, экономики и общественной жизни. Основное внимание уделено наиболее показательным периодам весенней обрядности, связанным с христианскими праздниками — Пасхой и Троицей. Статья построена на материалах полевых исследований, проведенных автором в Костромской и Владимирской областях в 2016–2017 гг. Анализ материалов показывает, что приуроченность основного поминовения к пасхальному или троицкому циклу соотносится с определенными зонами. Внутри каждого периода выделяется конкретный день, в который проводятся основные поминальные ритуалы в пространстве кладбища. Поминальные дни, приуроченные к календарным церковным праздникам, имеют семейно-родственный и общественный характер, что является причиной сохранения их значимости. Коллективный характер поминовения на кладбище способствует обновлению и восстановлению социальных связей, служит актуализации утраченных коммуникаций между людьми.*

***Ключевые слова:** календарные праздники, кладбище как праздничный локус, поминальные обычаи, социальные коммуникации, трансформация традиций.*

Праздник как важнейшее общественное действие всегда разворачивается в определенных пространственно-временных рамках, обусловленных традицией, законодательством или административными решениями. Соотнесенные с календарными датами праздники в содержательном плане могут быть представлены как государственные, профессиональные, религиозные и пр. Большинство традиционных праздников соотносилось с церковным календарем (месяцесловом), что определяло и прост-

ранственную локализацию основных праздничных действий, многие из которых совершались в непосредственной близости от храма: на прицерковной площади (где нередко располагалась и праздничная ярмарка) и у погода, что подтверждается историческими данными [ВЭС 1956, 34]. В современных исследованиях кладбище рассматривается как особая часть культурного ландшафта, что определяет привязку к этому месту многих повседневных и праздничных практик [Francaviglia 1971; Rugg 2000; Бредникова 2005; Филиппова

¹ Исследования проводились в рамках проекта РГНФ/РФФИ № 15–01–00379а «Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов (на материале полевых этнографических и этнолингвистических исследований в Костромском крае в XX–XXI вв.)».

2009; Пискунова 2012; Fischer 2013; Люббе 2016, 43–58]. В определенные периоды традиционного календаря (Святки, Масленица, Пасха, Троица и др.) [Пропп 1995, 22] и во время некоторых современных праздников (например, 23 февраля, 9 мая, 22 июня) кладбище или специальные мемориальные захоронения включаются в состав праздничных локусов и приобретают особые характеристики и смыслы. Кладбище представляется и как социально или индивидуально маркированное пространство, то есть *локус*, связанный с определенным культурным ландшафтом, и как *гетеротопия* [Фуко 2006, 198–199] или *топос* («смыслообразующее пространство культуры») [Морозов 2015, 6], в мифологическом отношении занимающий промежуточное положение между миром живых и миром мертвых. Это во многом определяет сакральное значение, которое придается этому пространству и обуславливает формы и характер совершающихся здесь социальных коммуникаций и ритуальных практик. Современное городское пространство обладает свойствами полиморфизма, сакральные и профанные топосы в нем могут пересекаться: «Каждое из мест города имеет множество разных функций, используется в разных целях, служит разным группам для решения разных задач» [Пирогов 2010, 46]. В рамках социальной топологии можно говорить о пересечении пространственно-временного континуума праздника с пространственно-временными свойствами современного кладбища, которое является местом средоточия разных социокультурных топосов.

Мы остановимся на двух наиболее показательных периодах весенней обрядности, связанных с христианскими праздниками — Пасхой и Троицей. Т. А. Агапкина связывает их в один пасхально-троицкий поминальный цикл, представляющий период возвращения покойных предков на землю [Агапкина 2002, 267]. Исследователи неоднократно обращали свое внимание на эти праздники (см., например: [Золотова 2002, 99–107; Черных 2006, 191–199; Соловьева 2015, 32–36] и др.), однако основной акцент делался на традиционных элементах в составе обрядовых практик и связанных с ними представлениях.

Наше внимание будет сосредоточено на характерных эпизодах поминальных

обычаев, доступных для наблюдения в настоящее время. Мы рассмотрим особенности использования кладбищенского пространства в современных календарных праздниках и связь этих практик с традиционными похоронно-поминальными обычаями. Современные формы включают в себя как традиционные элементы, так и новации, обусловленные изменениями в сфере культуры, экономики и общественной жизни. Как отмечают социологи, за минувшее десятилетие наблюдался подъем религиозности российского населения [Синелина 2013, 245]. Рост авторитета Церкви способствует повышению значимости церковных праздников и связанных с ними обрядов. Как следствие посещение кладбища в календарный поминальный день приобретает все большие масштабы. Под влиянием Церкви происходят изменения некоторых элементов поминальных традиций: установление единого поминального дня в рамках праздничного цикла и сокращение состава поминальных практик на могиле. Ввиду повсеместного появления личных автомобилей и маршрутов общественного транспорта в городах и крупных поселках возможность посетить удаленное кладбище появляется даже у пожилых людей, что способствует укреплению этой традиции. Новые тенденции проявляются и в обновлении состава приношений и угощений на кладбище, где всё большую долю занимают продукты питания промышленного производства. На формы поминальных практик могут оказывать влияние также различия, связанные с конфессиональной или этнической принадлежностью [Уразманова 2009, 18; Лепешкина 2011, 57–61; Листова 2015, 75–76]. В результате миграционных процессов, в частности оттока населения из небольших населенных пунктов в более крупные, переселения из одного региона в другой, происходит наложение границ культурных зон, возникают новые практики и возрастает значение функции актуализации семейных и земляческих связей. Это становится еще одним фактором, усиливающим традицию посещения кладбища в поминальный день.

Статья построена на материалах полевых исследований, проведенных нами в Межевском, Мантуровском, Парфеньевском и Нерехтском районах Костромской

и Селивановском и Суздальском районах Владимирской областей в 2016–2017 гг. (около 70 интервью с информантами от 20 до 80 лет). Анализ фрагментов интервью с местными жителями и сопоставление их с наблюдениями автора при посещении кладбища в поминальные дни позволяет представить наиболее характерные моменты обрядовых практик во время календарного праздника в контексте региональных особенностей похоронных традиций.

* * *

Период празднования. По словам М. Фуко, кладбище — это гетеротопия, которая «начинается с той странной *гетерохронии*, какую представляют собой для индивида утрата жизни, и та квазивечность, где он непрерывно распадается и исчезает» [Фуко 2006, 201]. Отсюда такое внимание к временной привязке кладбищенских ритуалов, фиксирующих постепенное «стирание» индивида из семейной и коллективной памяти, его переход в категорию «предков» как в традиционной, так и в современной культуре.

На восточнославянских территориях календарные поминовения соотносятся с различными календарными периодами, исследователи указывают в качестве возможных — рождественский, масленичный, пасхальный и троицкий [Пропп 1995, 22; Соколова 1979, 120–121, Добровольская 2013, 115]. Если во Владимирской области наблюдается единообразие — здесь основной день поминовения приурочен к Пасхе [Соколова 2013, 129], то в Костромской области можно выделить зоны с различной приуроченностью главного поминального дня. По нашим данным, в северной и северо-восточной части в качестве поминального выступает троицкий период, в то время как на территориях, расположенных ближе к региональному центру, особое значение приобретает пасхальное время. Такое географическое распределение двух вариантов поминальной традиции соотносится с точкой зрения В. К. Соколовой, которая

отмечала, что «обычай поминать родителей в Троицкую субботу или на саму Троицу более характерен для севернорусских областей. <...> В центральных, южнорусских и поволжских областях посещение кладбищ на Троицу встречалось реже, основным днем весеннего поминовения умерших родных здесь стала Пасха» [Соколова 1979, 213]. То есть современные зоны распространения того или иного варианта календарного поминовения в рассматриваемых нами регионах могут быть маркерами исторических путей заселения этих территорий.

Основной целью посещения кладбища в поминальный день является обход могил умерших близких, но во время него также происходит общение знакомых, соседей и бывших земляков. Как правило, накануне родственники наводят порядок на могилах, чтобы в праздничный день место упокоения их близких было чистым и обустроенным, как и их собственный дом; заранее припасается поминальная и праздничная атрибутика. Обезжая несколько кладбищ в день праздника, родственники обычно собираются на одной из могил или на семейном захоронении, где устраивают поминовение, после которого продолжают праздничное общение уже дома. Такая структура относится к поминальному дню, который выделяется среди прочих в году: ему придается особое значение в локальной традиции, и, следовательно, для него характерна большая масштабность празднования². Таким образом, поминальные дни, приуроченные к календарным церковным праздникам, имеют семейно-родственный характер и, приобретая характер общественно значимого события [Листова 2015, 58], включаются в более широкий социальный контекст.

Далее рассмотрим более подробно каждый из упомянутых календарных периодов. Как было указано выше, приуроченность главного поминовения в году к Пасхе характерна для Владимирской области в целом и частично для Костромской³. В этом варианте в обозначенных

² Как пример можно привести локальный поминальный праздник Бодун (Бодун-день), который отмечается на юге Кировской области в воскресенье перед Петровым днем или через неделю, в первое воскресенье после Петрова дня. Подробнее см.: [Напольских 2013].

³ Нами зафиксирована традиция приурочивания главного поминовения к Пасхе в районе г. Костромы и в Нерехтском районе.

территориях сложилась довольно устойчивая традиция посещения кладбища как в день Пасхи, так и в другие дни Фоминой недели: «У нас, знаете, закон не писан. Там церковь говорит, что нужно ходить тока в Фомин вторник, но у нас не так. У нас на Паску как ходили, так и ходят. Перед Паской как ходили, так и ходят убираться. После Паски все последующие дни, пока Паска длится, тоже ходят» (Зап. от муж., 1968 г. р., пос. Красная Горбатка, Селивановский р-н, Владимирская обл. 2017 г.)⁴.

В настоящее время Церковь стремится к единообразию в поминальных традициях и активно позиционирует в качестве главного поминального дня Радуницу [Листова 2015, 56]. Все чаще жители районов, где существовала традиция посещения кладбища в пасхальное воскресенье, выбирают другой день для того, чтобы навестить могилы близких. Именно такая ситуация складывается, к примеру, в Нерехтском районе Костромской области. Однако стремление Церкви утвердить такой порядок сталкивается с определенными сложностями. Во-первых, не везде авторитет Церкви достаточно высок, чтобы утвердить новый обычай. Во-вторых, перенос поминовения на один из рабочих дней осложняется невозможностью уделить поездке на кладбище необходимое время. «Ну на Паску ходят все, многие тоже ходят. Потому что Радуница — это всегда по вторникам. Вторник — это не тот день. С работы кто? У нас очередь на кладбище — два часа надо, как это все выстоять? Потому что едут все на машинах. Вся Нерехта выезжает! У нас пробка, как в Москве. И получается, с работы кто отпустит?» (Зап. от жен., 1962 г. р., г. Нерехта, Костромская обл. 2017 г.).

В Мантуровском и Межевском районах Костромской области как время главного поминовения представлен троицкий период, что характерно для территории, расположенной восточнее Костромской области [Черных 2006, 137]. Проведение поминок в троицкий период, как правило, проводится в четверг или субботу перед Троицей. Семик — четверг на троицкой неделе в традиционном комплексе обрядов связан с поминовением «заложных» покойников [Зеленин 1995, 129–134]. Его

особенностью является преимущественно семейный характер, поскольку в поминальных практиках участвуют члены семьи такого покойного [Агапкина 2002, 312]. В основном же в обозначенных районах поминальным днем установлена родительская суббота накануне Троицы, что соответствует народным поминальным традициям. Однако по сведениям информантов в соседних районах практика может отличаться. «Вот в Кологриве дак говорили, что... “Мы, — говорят, — в родительские ходим здесь <в Межевском районе>. А в Троицу, — говорит, — у нас <в Кологривском районе> больше-то в Троицу”» (Зап. от жен., 1937 г. р., с. Георгиевское, Межевской р-н, Костромская обл. 2016 г.).

В районах, где наиболее значимое поминовение отводится троицкому периоду, поминальные практики пасхального периода сжаты и не отличаются массовостью, хотя и играют заметную роль, а поминальным днем внутри пасхального цикла считается Радуница. Сложная ситуация представлена в Парфеньевском районе, где наблюдается небольшое преобладание троицкого цикла над пасхальным, и поминовение традиционно проводилось в воскресенье в Троицу и в Пасху. Однако в последние годы Церковь, как уже отмечалось выше, начала активно влиять на поминальные традиции. «На Троицу ходили всё время почему-то. <Соб.: В воскресенье?> С детства, да. А потом, ну как говорят, на Троицу не ходят на кладбище, надо ходить в родительскую субботу. Потом мы как-то на субботу перешили, уже в Троицу лично моя семья — мы не ходим в Троицу» (Зап. от жен., 1970 г. р., с. Парфеньево, Парфеньевский р-н, Костромская обл. 2017 г.).

Таким образом, приуроченность основного поминовения к пасхальному или троицкому циклу в основном соотносится с определенными зонами. В отдельных случаях складывается сложный комплекс поминальных обычаев, включающий особенности обоих этих периодов. Внутри периода выделяется конкретный день, в который проводятся основные поминальные ритуалы в пространстве кладбища. При этом важно отметить, что

⁴ Цитируемые полевые материалы собраны автором (кроме одного отмеченного в комментарии к тексту случая) и хранятся в ее личном архиве (Прим. ред.).

в настоящее время происходит смещение такого дня, в случае если традиционная практика противоречит церковным установлениям.

Участники празднования. Как уже было указано выше, календарные поминальные дни относятся как к семейно-родственным, так и общественным событиям. Первоначально люди, посещающие в эти дни кладбище, собираются в рамках семейного круга. *«И многие, да, действительно, кого мы не видим из родственников, мы все встречаемся на кладбище. <...> У меня, допустим, очень много, там, двоюродных всяких вот родственников. И получается так, что мы все вообще в жизни в году, да, можем очень редко друг друга видеть, но на Пасху мы обязательно встречаемся на кладбище. <...> Я не знаю, почему-то первоначально»* (Зап. от жен., 1989 г. р., д. Переложниково, Селивановский р-н, Владимирская обл. 2017 г.). Место захоронения становится местом встречи членов семьи покойного, и здесь складывается ситуация общения родственников, в повседневной жизни разделенных расстоянием: обсуждаются текущие новости, события личной жизни и пр.

Кладбище в целом становится локусом, где собираются местные жители и выходцы из поселения, проживающие сегодня в других местах: *«На Пасху все, все приезжают. Мы даже говорим: “У нас сейчас, хочешь увидеть жителей Переложниково в большом количестве — на Пасху на кладбище!” То есть люди приезжают — и дети там, внуки приезжают. <...> Поэтому, хочешь увидеть деревню целиком — пожалуйста»* (Зап. от жен., ок. 1972 г. р.; пос. Красная Горбатка, Селивановский р-н, Владимирская обл. 2017 г.). Праздничное поминовение на кладбище выполняет функцию актуализации семейных и земляческих связей, и его результатом становится «...подтверждение единства семейно-родственного коллектива или общины, а также становление или укрепление уже существующих иерархических и социальных связей» [Морозов, Слепцова 2004, 115].

Для обеспечения проведения необходимых ритуалов подключаются административные, коммерческие и религиозные организации. Коммерческие предприятия накануне Пасхи или Троицы разворачивают активную торговлю поминальной

и праздничной атрибутикой. В данном случае под поминальной атрибутикой мы понимаем, прежде всего, букеты искусственных цветов, венки, подсвечники, которые принято приносить на могилу. Мы наблюдали несколько точек торговли искусственными цветами в г. Мантурово Костромской области, которые были закрыты после празднования Троицы. Во Владимире некоторые торговые лавки накануне Пасхи добавляют в свой ассортимент искусственные цветы, а торговая площадка на городском кладбище становится больше. В районных центрах, куда рынок приезжает раз в неделю, отдельные торговцы полностью заменяют повседневный ассортимент искусственными цветами: *«Они начинают вот где-то <...> в течение месяца, даже за месяц здесь. <...> Уже у них <цветы> — это сезонный товар. <...> Ну уже торговцев-то всех в принципе знаем, кто чем торгует. И многие из них уже, вот которые мелочёвкой торгуют, они на этот момент переквалифицируются, только чисто с цветами стоят, с коробками цветов. Тут всё в цветах! И поэтому на любой кошелек, на любой выбор»* (Зап. от жен., 1972 г. р.; пос. Красная Горбатка, Селивановский р-н, Владимирская обл. 2017 г.).

В проведение праздника на кладбище включаются административные структуры, которые организуют транспортное сообщение. Организовать дополнительные маршруты на кладбище может руководство автотранспортного или сельскохозяйственного предприятия по своей инициативе, но в основном выделение дополнительного транспорта иницируется администрацией города или района.

Подготовительный период. Приготовлениям к празднику придается большое значение. Подготовка начинается за несколько дней до праздника. *«Ну, до Троицы, до родительской субботы прибираем могилы всех родственников, обновляем там цветы, красим, траву выпалываем. Ну, прибираем, в общем. Стараясь все сделать до субботы»* (Зап. от жен., 1970 г. р., с. Парфеньево, Парфеньевский р-н, Костромская обл. Соб. Е. Г. Чеснокова).

В местности, где главный поминальный день приурочен к Троице, многие жители стараются завершить обустройство могилы к поминальному дню: установить новый памятник, ограду, обновить

цветочницу и т.д. В пасхальный период такая подготовка не всегда возможна из-за неподходящих погодных условий. По-видимому, этим обусловлен тот факт, что подготовительный период наиболее полно соблюдается в районах, где основное поминовение включено в троицкий период. Еще одной причиной сокращения периода подготовки может стать удаленность кладбища от места, где живут родственники.

За некоторое время до праздничного дня хозяева наводят порядок в своих домах, чтобы к празднику жилище было чистым. То же касается могилы близкого, которая концептуально представляется местом, где продолжает свое «существование» покойный, а в действительности является личным семейным участком в общем пространстве кладбища.

Восприятие кладбища во время календарного праздника. По приведенным выше интервью нетрудно убедиться, что поминальный компонент в контексте календарного праздника имеет большое значение. Посещение кладбища с целью поминовения близких в праздничный день носит коллективный, массовый характер, и это дает повод для сравнения поминального дня с другими событиями, когда множество людей собирается в одном месте. *«Где-то вот в эти последние года стали на кладбища здорово-то ходить. Теперь ведь что ты! На кладбище-то как на гулянок идут»* (Зап. от жен., 1937 г. р., с. Георгиевское, Межевской р-н, Костромская обл. 2016 г.). Кладбище также сравнивается с базаром. *«Вы знаете, около десяти часов на кладбище как будто вот на базаре, так скажем. Огромное количество людей. <...> Настоящий праздник»* (Зап. от жен., ок. 60 л., с. Никола, Межевской р-н, Костромская обл. Соб. И. С. Кызласова, Е. Г. Чеснокова. 2016 г.). Во время праздника, когда на кладбище собирается большое количество людей, это пространство приобретает характеристики, свойственные местам проведения коллективных мероприятий или праздничных событий и, если следовать классификации М. Фуко, из «гетеротопии кризиса» и «гетеротопии девиации» превращается в «гетеротопию иллюзии» или «гетеротопию компенсации». Как следствие, к примеру, на городском или крупном сельском кладбище возникают

проблемы, типичные для масштабного праздничного мероприятия, когда из-за скопления машин становится сложно передвигаться как автомобилистам, так и пешеходам.

Таким образом, можно заключить, что, включаясь в контекст коллективных праздничных практик, кладбищенское пространство наделяется отдельными характеристиками праздничного локуса, перемещается с периферийного положения в локальном социокультурном пространстве и становится на время одним из центров социокультурных коммуникаций, что является причиной возникновения новых, привязанных к нему праздничных практик.

Поминальные практики праздничного дня. В календарный поминальный день принято объезжать несколько кладбищ, на которых похоронены родственники. *«У нас просто родственники разбросаны. Муськовское кладбище, старое Плющиха кладбище, новое кладбище горбатское, на Спас-Железино родственники. У нас очень много. <Соб.: Как вы их все посещаете?> На машине объезжаем. <...> Ну мы с утра, поскольку у нас очень много народу идёт на новое Быковское кладбище — там не пробиться, мы объезжаем вот эти все окраины, а потом спокойно мы подъезжаем к нашему уже кладбищу»* (Зап. от муж., 1968 г. р., пос. Красная Горбатка, Селивановский р-н, Владимирская обл. 2017 г.) [ПМА]. Возможность доехать до кладбища на личном или общественном транспорте, которая раньше была малодоступна, на наш взгляд, способствует укреплению такой практики. И это имеет прямые социально-экономические последствия от новых возможностей общения с удаленно проживающими родственниками и знакомыми до придания импульсов местному мелкому бизнесу, занимающемуся обеспечением визитов на кладбище.

В поминальный день люди стараются посетить церковь или часовню и принести на могилы близких угощения и цветы, которые не связаны с каким-либо конкретным поминальным днем. Цветы, занимающие все большую долю приношений, воспринимаются как выражение памяти и заботы родственников. При этом во многих обследованных нами местностях доминирует практика возложения на могилы искусственных цветов.

К особым символам праздника относятся яйца и куличи на Пасху [Агапкина 2002, 280] и березовые веточки в Троицу [Там же, 188]. Пасхальные атрибуты принято приносить на кладбище в течение всего праздничного периода, в том числе на Радуницу. «Да, вот специально в Пасху мать всегда оставляет два яйца. И потом на кладбище. Уносим на кладбище, оставляем. <...> Может, то, что я это читала, то, что вот покойнику тоже нужны эти яйца, чтоб он тоже отпраздновал эту Пасху. <...> Да, Радуница — это Пасха на том свете, так скажем по-простому. <Соб.: То есть у них праздник?> У них праздник, и им тоже нужны красные яйца, крашеные. (Зап. от жен., 1970 г. р., с. Парфеньево, Парфеньевский р-н, Костромская обл. 2017 г.).

До сих пор при поминовении на кладбище принято устраивать небольшую трапезу на могиле. Застолье традиционно воспринимается как механизм сплочения, элемент любого праздника. Принесенные с собой угощения, как правило, раскладываются на специальном столике, который расположен у могилы. Присутствующие угощаются принесенной едой и напитками, в том числе и алкогольными. Такие поминальные практики осуждаются Церковью, которая ведет активную работу по ограничению таких поминовений. «Ну раньше как-то поминали там <на могиле>, сидели, но потом перестали, отошли от этого. Просто посетили могилу, обошли родственников и домой уже. Дома поминали. Ну, в Троицу, как говорят, Троица — это праздник, надо праздновать, а не на могилах праздновать. <...> <Соб.: А почему так изменилось у вас?> Ну, знаете, может, в связи то, что у нас мать более там в церкви грамотна, всё вот она это говорила» (Зап. от жен., 1970 г. р., с. Парфеньево, Парфеньевский р-н, Костромская обл. 2017 г.).

Часть принесенных на кладбище продуктов предназначена для того, чтобы их оставили на могиле. Во время интервью мы сталкивались с противоположной оценкой как самой практики приношений, так и обычая собирать продукты некоторыми людьми. В разных населенных пунктах в Костромской области местные жители часто высказывались против того, чтобы кто-то забирал их приношения. «Мне вот погано глядеть, вот

это — идёшь, только ты вот отошла, <...> уже здесь уже всё собрали, унесли. <...> Вот эти годы, что-то вот так — года три, наверно, ну четыре — так. Стали вот эти собирать. Стали меньше ложить. <...> Посылят вот пшена или там семечек, или чего-нибудь для птичек» (Зап. от жен., 1937 г. р., с. Георгиевское, Межевской р-н, Костромская обл. 2016 г.). Как мы видим, положительно воспринимается только угощение птиц, которые прилетают на могилы, что, вероятно, связано с представлениями о том, что птицы выступают посредниками между миром живых и миром мертвых и могут отправлять вести покойным о том, что их родственники пришли поминать [Алексеевский 2010, 291].

Традиция давать милостыню или помин посторонним существует давно. Концептуально нищие или дети выступали посредниками между живыми и мертвыми. Возможно, причиной отрицательного отношения к сбору продуктов с могил стала утрата знания о традиционной модели поведения.

Иное отношение к оставлению угощений на могилах мы встретили во Владимирской области. «Для них это праздник, наверно, самый главный в году, да. <...> Есть дядя Гоша — алкоголик, он прям обожает Пасху, потому что, ну, это прям пир для него. <...> Просто ходят, видят: “О-о-о, там поставили!” И сразу бегут. Даже в прошлом году, помню, там семья какая-то принесла угощения, куличи. Не успели уйти, там дядя Гоша Рыжов уже несутся всё это забирать скорей и выпить. <Соб.: А как к этому люди относятся? Положительно?> Положительно! Мы вообще к ним хорошо относимся» (Зап. от жен., 1997 г. р., г. Владимир, Владимирская обл. 2017 г.).

Стоит добавить, что практика приношений ярко представлена на участках кладбища, где расположены коллективные захоронения и воинские мемориалы. Так, в ходе полевых исследований мы наблюдали поминальные практики, которые совершались в Троицкую родительскую субботу у Братской могилы на городском кладбище г. Мантурово. Подходившие к мемориалу люди производили в целом те же действия, что и на могилах своих родственников — оставляли цветы, пирожки, конфеты, рассыпали крупы,

а также клали главный атрибут праздника — березовые ветки.

Заключение. В контексте современного календарного праздника кладбище продолжает исполнять свою традиционную функцию и играет роль локуса поминальных практик, одновременно превращаясь из «гетеротопии кризиса» и «гетеротопии девиации» в «гетеротопию иллюзии» или «гетеротопию компенсации». Пространство кладбища, являясь гетерохронией, символически связано как с индивидуальным, так и с социальным временем в целом. Время поминовения, когда принято навещать могилы покойных, в целом соответствует поминальным традициям, характерным для восточнославянской территории. Среди всех календарных поминальных дней, как правило, выделяется один, к которому приурочено наиболее массовое поминовение на кладбище. При этом существуют региональные различия в соотносении главного поминального дня с праздничным циклом.

Отдельные элементы традиционных поминальных обычаев трансформируются под воздействием ряда факторов. Среди основных из них нужно назвать возрастающее влияние религиозных организаций, включение в структуру поминального дня и периода подготовки к нему административных и коммерческих структур, социальные и демографические процессы, которые приводят к смешению нескольких культурных традиций и возникновению новых форм поминовения.

Во время праздничных поминовений в системе социальной топологии кладбище наделяется дополнительными

функциями и становится центральным локусом социокультурных коммуникаций. Стремление членов семьи разделить праздник с умершими является, на наш взгляд, свидетельством сохранения включенности покойных в семейный круг. Традиционные поминальные практики, общение с покойными и преподнесение им даров в виде угощения или иных символов праздника мотивируются восприятием кладбища как сакрального пространства, где возможно взаимодействие мира живых с миром мертвых. Большое значение, которое придается подготовке места захоронения к празднику, связано с восприятием могил родственников как пространства, принадлежащего семье, «своего» семейного пространства. Во время коллективного поминовения, приуроченного к календарным праздникам, пространство кладбища становится локусом, где происходит обновление и восстановление ослабленных расстоянием и разрывом семейных традиций социальных связей, актуализируются утраченные коммуникации между людьми, местом, где социальное тело обретает единство. Статус пространства, в котором проходит общественный праздник, обуславливает различные формы взаимодействия крупных социальных групп — жителей поселений, административных и коммерческих структур. Таким образом, совершаемые здесь ритуальные практики и поведение присутствующих на кладбище людей определяются полиморфизмом кладбищенского пространства, его способностью интегрировать разные социокультурные топосы.

Исследования

Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Алексеевский 2010 — *Алексеевский М. Д.* «И на погосте бывают гости»: посещение кладбища в обрядовой практике и поминальных причитаниях крестьян Русского Севера // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Матер. Междунар. науч. конф., посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 288–299.

Бредникова 2005 — *Бредникова О.* Социологические прогулки по кладбищу // Беспредельная социология: Сб. эссе к 60-летию Виктора Воронкова. ЦНСИ: Unplugged / Под ред.

О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб., 2005. С. 115–130.

ВЭС 1956 — Восточнославянский этнографический сборник / Под ред. С. А. Токарев. М., 1956.

Добровольская 2013 — *Добровольская В. Е.* Кладбище как место встречи живых и мертвых: правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России // *Slovène = Словѣне: International Journal of Slavic Studies*. 2013. Т. 2. № 1. С. 111–122.

Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. М., 1995.

Золотова 2002 — *Золотова Т. Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). Омск, 2002.

- Лепёшкина 2011 — *Лепёшкина Л. Ю.* Похоронно-поминальный обряд татар Среднего Поволжья в XX веке: динамика традиции // Вопросы культурологии. 2011. № 4. С. 57–61.
- Листова 2015 — *Листова Т. А.* Праздник встречи живых и умерших в пространстве кладбища. Современные календарные поминовения на российский-украинско-белорусском пограничье // Мemento Mori: Похоронные традиции в современной культуре / Отв. ред. Д. В. Громов. М., 2015. С. 54–77.
- Люббе 2016 — *Люббе Г.* В ногу со временем: Сокращенное пребывание в настоящем / Под науч. ред. В. А. Куренного. М., 2016.
- Морозов 2015 — *Морозов И. А.* Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 5–14.
- Морозов, Слепцова 2004 — *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.
- Напольских 2013 — *Напольских В. В.* Бодун — поминальный праздник на Нижней Вятке // Живая старина. 2013. № 2. С. 3–7.
- Пискунова 2012 — *Пискунова Л. П.* Городские кладбища в динамике социальных репрезентаций (семиотический анализ) // Человек. Культура. Образование. (Сыктывкар). 2012. № 4. С. 95–101.
- Пирогов 2010 — *Пирогов С. В.* Топология городской жизни // Вестник Томского государственного ун-та. 2010. № 4 (333). С. 44–46.
- Пропп 1995 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. М., 1995.
- Синелина 2013 — *Синелина Ю. И.* Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 243–255.
- Соколова 2013 — *Соколова А. Д.* Трансформации похоронной обрядности у русских в XX — начале XXI в. (на материалах Владимирской области): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07, М., 2013.
- Соколова 1979 — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Соловьева 2015 — *Соловьева Я. Ю.* Обряды пасхального периода в Куйбышевском районе Калужской области // Живая старина. 2015. № 2. С. 32–36
- Уразманова 2009 — *Уразманова Р. К.* «Мусульманские» обряды в быту татар // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 13–26.
- Филиппова 2009 — *Филиппова С. В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. С. 80–96.
- Фуко 2006 — *Фуко М.* Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 191–204.
- Черных 2006 — *Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX века. Пермь, 2006.
- Fischer 2013 — *Fischer N.* Neue Bestattungskultur: Tod, Trauer und Friedhof im Wandel. ePub: Kindle Direct Edition, 2013.
- Francaviglia 1971 — *Francaviglia R. V.* The cemetery as an Evolving cultural Landscape // Annals of the Association of American Geographers, Vol. 61, No. 3. 1971. Pp. 501–509.
- Rugg 2000 — *Rugg J.* Defining the place of burial: what makes a cemetery a cemetery? // Mortality. 2000. Т. 5. No. 3. Pp. 259–275.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чеснокова Е. Г. <https://orcid.org/0000-0002-9815-3042>

Аспирант Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (905) 612-23-54; e-mail: chesnokova.eg33@gmail.com

CEMETERY IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY CALENDAR HOLIDAY

ELENA G. CHESNOKOVA

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. *The article deals with obit customs, timed to calendar holidays, which are related to the space of the cemetery. The author reviews contemporary forms of these customs, which include both traditional elements and innovations due to the ongoing changes in the sphere of culture, economy and public life.*

The main attention is paid to the most revealing periods of spring rituals, connected with the Christian holidays — Easter and the Trinity. The article is based on the materials of field research conducted by the author in Kostroma and Vladimir regions in 2016–2017. The article shows that the relation of the main commemoration either to Easter or to Trinity period corresponds basically to certain zones. During the period, a specific day is allocated to celebration of key memorial rituals in the cemetery space. Memorial days, timed to calendar church holidays, have both a family-related and a social character. The general structure of the calendar memorial days includes the preparatory stage, the meeting of relatives in the cemetery, the detour of cemeteries and the bypass of graves, commemoration at the grave and the continuation of the holiday at home. The preservation and even the growth of the significance of memorial days are associated with the predominance of the family-related nature of obit customs. The collective nature of commemoration at the cemetery helps to renew and restore in this space the social bonds weakened by distance and breaking family traditions, serves to actualize lost communications between people.

Key words: *calendar holidays, the cemetery as a festive locus, funeral and obit customs, social communications, transformation of traditions.*

Acknowledgements. *This research has been financially supported by the grant of the Russian State Fund for Humanities / Russian Foundation for Basic Research project No. 15–01–00379a “Regional and cultural specifics of cultural and linguistic processes (exemplified in the material of ethnographic and ethno-linguistic field research in Kostroma territory in the 20th — the 21st centuries”.*

References

- Agapkina T. A. (2002) Mifopoeticheskiy osnovny slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy tsikl [Mythopoeitic foundations of the Slavic people's calendar. Spring-summer cycle]. Moscow. In Russian.
- Alekseevskiy M. D. (2010) “I na pogoste byvayut gosti”: poseshchenie kladbishcha v obryadovoy praktike i pominal'nykh prichitaniyakh krest'yan Russkogo Severa [“Guests appear even at a churchyard”: visiting a cemetery in ritual practice and obit laments of peasants of the Russian North]. In: “Kalevala” v kontekste regional'noy i mirovoy kul'tury [Kalevala in the context of regional and world culture]. Mat. of the int. sc. conf. dedicated to the 60th anniversary of the full edition of “Kalevala”. Petrozavodsk. Pp. 288–299. In Russian.
- Brednikova O. (2005) Sotsiologicheskie progulki po kladbishchu [Sociological walks in the cemetery]. In: Bespredel'naya sotsiologiya [Infinite sociology]. Coll. essays for the 60th anniversary of Viktor Voronkov. St. Petersburg. Pp. 115–130. In Russian.
- Chernykh A. (2006) Russkiy narodnyy kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady kontsa XIX — sere diny XX veka [Russian folk calendar in Kama the river's basin. Holidays and ceremonies of the late 19th — mid 20th century]. Perm'. In Russian.
- Dobrovol'skaya V. E. (2013) Kladbishche kak mesto vstrechi zhivyykh i mertvykh: pravila, reguliruyushchie vzaimootnosheniya dvukh mirov v traditsionnoy kul'ture Tsentral'noy Rossii [Cemetery as a meeting place for the living and the dead: the rules regulating relationship of the two worlds in the traditional culture of Central Russia]. *Slovyane. International Journal of Slavic Studies*. 2013. Vol. 2. No. 1. Pp. 111–122. In Russian.
- Filippova S. V. (2009) Kladbishhe kak simvolicheskoe prostranstvo sotsial'noy stratifikatsii [Cemetery as a symbolic space of social stratification]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2009. Vol. 12. No. 4. Pp. 80–96. In Russian.
- Fischer N. (2013) Neue Bestattungskultur. Tod, Trauer und Friedhof im Wandel [New burial culture. Death, grief and cemetery in change]. ePub: Kindle Direct Edition. In German.
- Fuko <Foucault> M. (2006) Drugie prostranstva [Other spaces]. In: *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and power]. Selected political articles,

speeches and interviews. Part. 3. Moscow. Pp. 191–204. In Russian.

Francaviglia R. V. (1971) The cemetery as an evolving cultural landscape. *Annals of the Association of American Geographers*. 1971. Vol. 61. No. 3. Pp. 501–509. In English.

Lepeshkina L. Ju. (2011) Pokhoronno-pominal'nyy obryad tatar Srednego Povolzh'ya v XX veke: dinamika traditsii [Funeral-obit ritual among the Tatars of the Middle Volga basin in the 20th century: the dynamics of tradition]. *Voprosy kul'turologii* [Questions of culturology]. 2011. No. 4. Pp. 57–61. In Russian.

Listova T. A. (2015) Prazdnik vstrechi zhi-vykh i umershihkh v prostranstve kladbishcha. Sovremennye kalendarnye pominiyani na rossijsko-ukrainsko-beloruskom pogranich'e [Celebration of meeting between living and dead in the space of the cemetery. Contemporary calendar obits on the Russian-Ukrainian-Belarusian borderland]. In: Memento Mori. Pokhoronnye traditsii v sovremennoy kul'ture [Memento Mori. Funeral traditions in contemporary culture]. Ed. by D. V. Gromov. Moscow. Pp. 54–77. In Russian.

Lyubbe G. (2016) V nogu so vremenem. Sokrashhennoe prebyvanie v nastoyashchem [In the course of time. Shortened stay in the present]. Ed. by V. A. Kurennoy. Moscow. In Russian.

Morozov I. A. (2015) Lokal'nye traditsii i menyayushchiesya identichnosti [Local traditions and changing identities]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2015. No. 2. Pp. 5–14. In Russian.

Morozov I. A., Sleptsova I. S. (2004) Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX–XX vv.) [Game circle. Holiday and game in the life of the Northern Russian peasant (the 19th — the 20th centuries)]. Moscow. In Russian.

Napol'skiikh V. V. (2004) Bodun — pominal'nyy prazdnik na Nizhney Vyatke [Bodun — an obit holiday at lower reach Vyatka]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 2004. No. 2. Pp. 3–7. In Russian.

Piskunova L. P. (2012) Gorodskie kladbishha v dinamike sotsial'nykh reprezentatsiy (semioticheskii analiz) [Urban cemeteries in the dynamics of social representations (semiotics analysis)].

Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. [Human. Culture. Education]. 2012. No. 4. Pp. 95–101. In Russian.

Pirogov S. V. (2010) Topologiya gorodskoy zhizni [Topology of urban life]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk state university journal]. 2010. No. 4 (333). Pp. 44–46. In Russian.

Propp V. Ja. (1995) Russkie agrarnye prazdniki [Russian agrarian holidays]. Moscow. In Russian.

Rugg J. (2000) Defining the place of burial: what makes a cemetery a cemetery? *Mortality*. 2000. Vol. 5. No. 3. Pp. 259–275. In English.

Sinelina Ju. I. (2013) Religioznost' v sovremennoy Rossii [Religiousness in modern Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic annals]. 2013. No. 1. Pp. 243–255. In Russian.

Sokolova A. D. (2013) Transformatsii pokhoronnoy obryadnosti u russkikh v XX — nachale XXI v. (na materialakh Vladimirskoy oblasti) [Transformations of funeral ceremoniality in the 20th — the beginning of the 21st century (on materials from Vladimir region)]. PhD thesis. Moscow. In Russian.

Sokolova V. K. (1979) Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukrainsev i belorusov [Spring-summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Belarusians]. Moscow. In Russian.

Solov'eva Ya. Yu. (2015) Obryady paskhal'nogo perioda v Kuybyshevskom rayone Kaluzhskoy oblasti [Rites of the Easter Period in Kuybyshev District of Kaluga Region]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 2015. No. 2. Pp. 32–36. In Russian.

Tokarev S. A. (ed.) (1956) Vostochnoslavianskiy etnograficheskii sbornik [Eastern Slavic Ethnographic Collection]. Moscow. In Russian.

Urazmanova R. K. (2009) «Musul'manskiy» obryady v bytu tatar [“Muslim” rites in everyday life of the Tatars]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2009. No. 1. Pp. 13–26. In Russian.

Zelenin D. K. (1995) Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow. In Russian.

Zolotova T. N. (2002) Russkie kalendarnye prazdniki v Zapadnoy Sibiri (konets XIX–XX vv.) [Russian calendar holidays in the Western Siberia (the late 19th — the 20th centuries)]. Omsk. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Chesnokova E. G. <https://orcid.org/0000-0002-9815-3042>

E-mail: chesnokova.eg33@gmail.com

Tel.: +7 (905) 612-23-54

32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation

Post-graduate student, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences